

ФОМИЧ И ВАСЬКА

Якутский мороз крепчал. Ожидавших на остановке было всего трое, это значит, автобус придет еще не скоро. Фомича охватило тоскливо-чувственное чувство беззащитности перед жестким, неумолимым натиском холода. Старые вышорканные ботинки «капитулировали» первыми, превратившись в колодки для пыток. Пальто моды еще самых застойных времен продувалось насквозь. Уже в который раз за последнее время Фомич вспомнил свои теплые унты, которые утащил и пропил внук Серега.

Внук рос беспутным и вряд ли бы сумел окончить школу без дедовой помощи. Фомич, проработавший в этом учебном заведении четверть века учителем истории, русского языка и литературы, уговорил бывших коллег натянуть внуку тройки по трем предметам, которые тот прогуливал. Вся надежда была на армию, но и она не сумела вправить мозги пустившемуся вразнос оболтусу. После службы Серега окончательно сел на дедову шею. На работе внук нигде больше месяца не задерживался, расчетные деньги пропивал в компании друзей, столовался за дедов счет, а в последнее время повадился таскать из его дома вещи. И даже унты не пожалел.

Похлопывая себя по бокам и пританцовывая от холода, Фомич с надеждою глянул уже в который раз в конец улицы, не покажется ли из-за поворота огонек долгожданной «единички». К тому времени, когда заветный «пазик» вынырнул из туманной морозной мглы, на остановке у главпочтамта скопилось уже десятка полтора основательно пророгших горожан, а Фомич пророг до такой степени, что с трудом заставил закоченевшие ноги вскарабкаться в автобус. В салоне заиндевевшего от дыхания пассажиров автобуса было не так зябко, и пока «единичка» доехала до автостанции, старик слегка отогрелся. Финальный марш-бросок до дома он, конечно же, сделает бодро, по-молодецки, а уж потом отогреется чайком.

Погрузившись в морозную мглу, Фомич что есть силы припустил домой. Шагов за сто от дома услышал рядом с собой жалобный писк безнадежно замерзающего существа. «Котенок, что ли? — шевельнулась внутри сострадательная мысль.— Околоеет ведь, ежели не подобрать». Не раздумывая более, Фомич сунул закоченевший комочек за пазуху и прибавил шагу.

Вот и дом! Облако морозного пара медленно и нехотя растворилось в теплом

квартирном воздухе. Фомич вытащил притихшего на груди котенка и пустил на пол. Когда рыжее существо застучало обмороженными лапками-ледышками, Фомич цокнул от удивления: надо же, как сильно ноги себе обморозил малыш! Выживет ли? Интересный какой: месяц-полтора от роду, рыженький, а глаза голубые. Кто же это его в такой мороз на улицу выставил?..

Встрепенувшись, скинув с себя верхнюю одежонку, старик бросился спасать малыша. Набрал в таз холодной воды, сунул туда кошачьи ноги. Котенок, похоже, полностью доверился человеку и не сопротивлялся. Наверное, понял, что все страшное уже позади.

Фомич жил бобылем давно, склонив супругу. Бодрый не по годам, щуплый и абсолютно седой, он и на восьмом десятке предпочитал вести тихую, неторопливую холостяцкую жизнь вдовца. Готовил себе сам, время от времени стирал вручную заношенные до дыр майки и рубашки, наводил как мог порядок в доме. И мастерски пек блины. Взрослая дочь Марина навещала старика часто, приносила ему книги, журналы и газеты, пила чай с блинами, делилась новостями, сокрушалась по поводу беспутной жизни сына Сережи, который «никак не может порвать с плохой компанией друзей»; иной раз готовила отцу что-нибудь вкусненькое, а потом убегала обратно к себе. А Фомич снова оставался наедине со своими мыслями и думами. Его это вполне устраивало, он привык. Жизнь в одиночку позволяла старику всесело предаваться своему любимому занятию. На протяжении всей сознательной жизни Фомич писал стихи. Писал талантливо, чему, несомненно, способствовали врожденное умение образно мыслить, богатая на события жизнь, два высших образования и почти полвека работы учителем. Районные газеты публиковали его стихи охотно, республиканские удостаивали такой чести редко, а центральные не публиковали вовсе, безответно и безрезультатно поглощая многочисленные послания провинциального поэта. И все же одним единственным стихотворением Фомичу удалось проникнуть в московский альманах, вот только было это давно, еще в шестидесятые.

О том, чтобы издать собственную книжку стихов, старик начал помышлять не так давно. Лишь назревавшее 80-летие заставило Фомича крепко призадуматься, что же будет с чемоданом рукописей, столь дорогих ему, выстраданных бессонными ночами стихотворений, басен и поэм? Неужели после него эта куча исписанных, отпечатанных на видавшей виды старенькой машинке листков — итог всей его жизни — окажется где-нибудь на мусорной куче? Неужели? Спохватившись, Фомич начал лихорадочно приводить в порядок свои залежавшиеся бумаги, перетряхивать в сознании старые, еще недостаточно зрелые, на его теперешний взгляд, стишата; переписывать, перепечатывать, исправлять... Этой работой он и занимался последние несколько лет. Вчерне рукопись будущей книги уже была готова, оставалось лишь начисто перепечатать все ее страницы.

Рыжий котенок, которого Фомич с первых же дней окрестил Васькой, шел на поправку. Как это ни удивительно, Марина приняла непосредственное участие в его излечении. Побывав у ветеринара, принесла Ваське чудодейственную мазь, обработала и перебинтовала ему задние ноги. Через какое-то время Васька стал смело опираться на самую безнадежную, казалось бы, лапу. Вот только обмороженный хвост отвалился. Два-три звенышка на месте разрыва со временем затянулись кожицей, а кожица обросла шерстью. Через пару месяцев после спасения подросший и окрепший Васька начал ловить мышей и, похоже, окончательно выбросил из своей кошачьей головы приключившуюся с ним трагедию. По-хозяйски важно, вперевалочку ходил он по двухкомнатным «апартаментам» Фомича, и при этом хвост-коротыш его забавно двигался из стороны в сторону, как гузка у гуся. Кот и Фомич жили дружно, душа в душу и даже научились понимать друг друга с полуслова. Встанет, бывало, Фомич у электроплиты, прислонившись к батарее отопления, и призывающе похлопает себя по бедру:

— Васька, Васька!

А Васька уже понял, ему дважды повторять не надо. Сжавшись пружиной и понимающе муркнув, прыгает к старику. Знает, что Фомич обязательно подхватит его на руки, а потом приласкает и приголубит. Васька же, пристроившись на руках у Фомича, благодарно урчит и аккуратно, щадяще запускает от удовольствия свои коготки в предплечье Фомича. В такие минуты старики сам испытывает своеобразное наслаждение. Много в нем еще осталось неистраченной любви и нежности, потребности дарить тепло своей души. Раньше, когда он учил ребятишек, все было замечательно: дети охотно впитывали в себя флюиды его учительской доброты. Флюиды, которые за долгие годы сознание Фомича привыкли вырабатывать, тратить и восполнять. Так, наверное, привыкает организм донора производить кровяные тельца.

На заслуженном отдыхе первое время ветерану было тяжело, но он сумел перебороть в себе чувство невостребованности, увлекшись стихотворчеством.

Весна наступила для Якутии удивительно рано. Мартовское солнце подогрело на крышах снежные покровы, и они, ощетинившись частоколом сосулек, стали сползать вниз. Почернели дороги и сугробы, потяжелели шубы на плечах у ленчан. И заголосили во сто глоток по ночам мартовские коты.

Зов природы пробудил в Ваське доселе неизвестные ему инстинкты. И если раньше он робко и ненадолго решался покидать теплый и уютный мирок Фомича, то сейчас стал проситься во двор регулярно. Его исследовательские отлучки становились все продолжительнее, и вот однажды он не пришел ночевать. Перед тем как лечь спать, Фомич раза три звал кота с крыльца, выкрикивая в темноту двора призывные «Васька, Васька!» и «кыс-кыс-кыс!». Зато утром гулена, продрогший и осунувшийся, уже ждал Фомича на крылечке.

— А-а-а, вернулся, бесхвостый,— несказанно обрадовался Ваське Фомич,— ну входи, входи.

Сразу же с порога Васька запросил есть и с превеликим удовольствием впился зубами в огромный кусок мятая, который не пожалел для него Фомич.

Насытившись, Васька блаженно растянулся на кресле и выключился из этого мира чуть ли не на весь день. А на ночь глядя снова ушел гулять. Отныне он редкий раз оставался ночевать дома. Чем теплее становилась погода, тем большую часть суток кот проводил во дворе. Вскоре Фомич выяснил причину его похождений. Это была огромная, раза в два больше самого Васьки, пушистая черно-белая кошка. Фомич удивился ее необычному окрасу. Черные и белые шерстинки на ее теле располагались не пятнами, как обычно, а вперемешку, примерно так, как выглядят соль и перец, когда их перемешают для строганины.

Кошка важно и кокетливо шла по узенькой дорожке торца заборных досок, а Васька покорно сопровождал ее сзади. Казалось, что он, бесхвостый, без ума от большого пушистого хвоста своей подруги и готов последовать за ней хоть на край света, лишь бы его королева позволила ему, бесхвостому, это делать. Залюбовавшись парочкой, Фомич, однако, спохватился:

— Васька, пойдем, я тебя покормлю!

Голодный Васька в ответ понимающе муркнул, но подруга его, оглянувшись, властно мяукнула жениху:

— Не с-мяу-у-у-ть!

И Васька покорился. Лишь много позднее, вволюшку нагулявшись со своей красавицей, он пристроился перед кухонным окном Фомича, которое выглядывало на проезжую часть, и жалобно заканючил, чтобы хозяин пустил его в дом и накормил.

Апрель пролетел стремительно. Сугробы осели, растеклись лужами по обочинам дорог. По ночам еще примораживало, и стремительно проносящиеся мимо дома Фомича автомобили звонко хрустели корочками льда на лужах. В последний апрельский денек Фомич встал поздно, ибо перед тем как лечь, по обыкновению засиделся

за своими стихами, а ночью ему долго не давала покоя бессонница. Внук Серега вчера заявился пьяный, ударил и обматерил кота. Его задевало, что дед дарит свою любовь не ему, родному внуку, а какому-то подобранныму коту. Обиженный Васька пулей вылетел во двор и больше не появлялся.

Фомич прошлепал на кухню, к умывальнику, поставил на плитку чайник, раздвинул занавески окна. Утро выдалось хмурое. Два пятна на обочине дороги привлекли его внимание. Это было какое-то знакомое цветовое сочетание: бледная рыжина и соль с перцем. Недвижимо вытянулся перпендикулярно дороге, распластавшись на комковатой, промерзшей за ночь земле, Васька, а в метре от него в такой же позе, на боку, вытянув лапы, его пушистая подруга.

— Что это, почему спят так близко к дороге? — екнуло сердце у Фомича и как-то неприятно вдруг опустилось, похолодело все внутри, когда он сообразил: да их же машиной сбило!

Напялив кое-как второпях куртку и ботинки, старик выбежал наружу. Он отказывался верить в догадку, но безжалостная действительность подтвердила ее. Шерсть окоченевших трупов «поседела» местами от холодного инея. Ошибки быть не могло, это его любимец Васька, ведь у распластавшегося на обочине кошачьего трупа тоже нет хвоста. Это его Васька, это его Бесхвостый, это его ставший уже родным и близким кот, а рядом — его подруга!

Мимо безразлично проносились один за другим бесконечные автомобили-преступники...

Всхлипнув, Фомич подобрал с мерзлой обочины оба застывших тельца и пошел во двор. Он оцепенел от горя и соображал мучительно медленно. Где-то здесь, за дверью, была штыковая лопата. Копать сейчас, конечно же, будет трудно, но он как-нибудь справится. Взяв лопату, Фомич, тяжело ступая, заковылял в дальний угол двора. Слез, сбегавших затейливыми дорожками по его морщинистым щекам, он не чувствовал.